

ДМИТРИЙ
АБРАМОВ

**МИССИЯ
РОССИИ**

ИСКУПЛЕНИЕ
И ПОБЕДА

Дмитрий Михайлович Абрамов

Миссия России.

Искушение и Победа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54814285

Миссия России. Искупление и Победа:

ISBN 978-5-906914-36-1

Аннотация

Историкам либеральной ориентации зачастую присуще стремление исказить, извратить историю Второй Мировой войны в пользу «западных демократий», их роли в этой войне. Но трактовать историю Второй Мировой, не обращаясь к реалиям Великой Отечественной войны, переосмысливать героический подвиг великорусского народа и народов СССР в этой войне – дело неблагородное и бессмысленное.

Чтобы достойно противостоять апологетам западных либеральных ценностей, отечественным специалистам-историкам, освещающим Вторую Мировую и Великую Отечественную, нужно прекратить превращать малоизвестные «белые» страницы истории войны в «чёрные пятна». Это дело не достойное объективного исторического познания, выяснения правды и грядущего возрождения России. Автор книги «Миссия России. Искупление и Победа» историк Дмитрий Абрамов предлагает рассматривать те трагические, но великие события в

контексте общего этнического «надлома» русского суперэтноса, раскола Русской Православной Церкви и приходящего кризиса Русской цивилизации – как в самой России, так и за её рубежами.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	24
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дмитрий Абрамов
Миссия России.
Искушение и Победа

© Абрамов Д.М., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие

Главной целью «колониальной» войны нацистского руководства Германии с Советским Союзом было расчленение страны и порабощение его народов. Но нацистские идеологи, прикрываясь именем Бога, объявили и назвали своё вторжение на территорию СССР «крестовым походом» против коммунистической и еврейской власти (которую они идентифицировали). В пропагандистских целях оккупационная администрация выдавала разрешение на открытие храмов, закрытых в советское время.

Так, в Киевской епархии в 1942 году при немцах было открыто 8 монастырей и 318 храмов, в которых служили 434 священника. Но на Украине викарный епископ Владимир-Волынский Поликарп (Сикорский), в прошлом петлюровский чиновник, опираясь на поддержку оккупационных властей и коллаборационистов из «землячества Украины», обосновавшегося в Польше, объявил себя архиепископом, потом митрополитом Луцким и заодно – главой автокефальной Украинской Церкви. Его поддержало несколько епископов прогерманской ориентации. Большая же часть украинской паствы захваченных областей находилась, однако, под окормлением так называемой Автономной Церкви Украины. Последняя не порывала канонической связи с Русской Церковью Московского Патриархата, хотя её автономия и

не была признана Экзархом Украины митрополитом Киевским Николаем Ярушевичем и Местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием (Старгородским).

В Белоруссии оккупационные власти пытались сколотить автокефальную Белорусскую Церковь. Архиепископ Пантелеимон (Рожновский), приняв сан митрополита Минского и Белорусского, всё же не пошёл на разрыв с Предстоятелем Русской Церкви. Под давлением оккупационных властей, из-за интриг священников-сепаратистов он был вынужден отойти от дел и вскоре скончался. После него Белорусскую автокефальную митрополию возглавил Филофей (Нарко), проводивший политику соглашательства с оккупантами. В Прибалтике немцы разрешили митрополиту Виленскому и Литовскому Сергию (Воскресенскому) сохранить каноническую, но не административную связь с Синодальной Церковью, заключающуюся практически лишь в возношении имени Местоблюстителя Сергия за богослужением. Это было сделано с расчётом на то, что после победы Германии в войне против СССР все православные (русские, белорусы, украинцы и другие русскоговорящие) будут выселены из Литвы, Латвии и Эстонии вглубь России.

Гитлер и нацистское руководство Германии явно предполагали и осознавали, что в ходе широкомасштабной завоевательной войны богоборческой, расовой идеологии нацизма будут противостоять не только атеистические доктрины коммунизма и социализма, либеральные доктрины па-

цифизма и гуманизма, но они будут иметь дело и с традиционными христианскими конфессиями. Не могли не знать они и того, что большая и значительная часть простого народа Советской России и СССР традиционно исповедовало ортодоксальное христианство – православие. Открытым остаётся только вопрос о том, насколько ясно руководство Третьего рейха представляло себе, как глубоко укоренилось христианское православное мировоззрение в русском народе и у других народов Восточной Европы. Так или иначе, но на захваченных территориях оккупационные власти руководствовались изощрённой, коварной, рассчитанной на многие годы вперёд директивой фюрера, которая гласила: «Мы должны избегать, чтобы одна Церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать чёрную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны что-либо делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола». Мало того, сотни разграбленных, взорванных, разбитых, сожжённых храмов с тысячами погибших молившихся в них людей, сотни тысяч икон, фресок и мозаик с выбитыми глазами и изуродованными ликами, над которыми надругались завоеватели, свидетельствовали о том, что вооружённые силы нацистской Германии не остановятся ни перед чем...

Архиепископ Красноярский Лука (Войно-ясенецкий), совершавший во время войны одновременно архиерейское служение и служение врача-хирурга (был начальником госпиталя в Красноярске), писал тогда: «Германский народ, более тысячи лет считавшийся христианским народом... явил всему миру, народам – братьям во Христе и народам нехристианским неслыханно страшное лицо варвара, топчущего ногами Святое Евангелие, вторично распинающего Христа». Не исключено, что в случае победы Германии в войне Православной Церкви – высшей национальной святыне великорусского народа – судьба готовила со временем ещё более жестокое гонение, чем то, что обрушили на неё большевики и советская власть 1920–1930-е годы. Так, после занятия в апреле 1941 года Белграда германскими войсками последовали репрессии против руководства Сербской Церкви. Сербский Патриарх Гавриил был арестован 25 апреля и томился в заключении. Немцев не устраивала монолитная, единая Сербская Церковь.

* * *

Здесь присутствует и ещё одна мистическая особенность происходивших тогда военно-политических событий. Нацистская Германия отводила на разгром Югославии (Сербии) всего нескольких дней. Но сербы оказали упорное сопротивление захватчикам и продержались около месяца,

связав тем на Балканах значительные силы Вермахта. Мало того, в горных районах началась широкомасштабная партизанская война. Разгромленные, но непокорённые сербы, как и в годы Первой мировой, не смирились с оккупацией. В связи с этим Германское командование вынужденно отсрочило нападение на СССР, перенеся его с начала мая на вторую половину июня. Но изначально руководство Германии рассчитывало завершить войну и разгромить СССР к началу зимы. Таким образом, сроки, отводимые немцами на разгром Советской России, сокращались. Воевать зимой в России немцы не рассчитывали. Очевидно, что весной 1941 года братский сербский народ помог России оказать Германии отпор и продержаться до зимы. Мистика в том, что так же точно летом – осенью 1914 года Россия, развернув широкомасштабное наступление в Галиции, спасла Сербию от разгрома Австро-Венгрией и Германией. 1914–1941!

* * *

В силу исторических обстоятельств (Революции и Гражданской войны 1917–1922 гг.) духовное единство великорусского народа было нарушено и поколеблено расколом. И об этом хорошо знали руководители Третьего рейха. Ещё в июле 1921 года священство и иерархи, ушедшие в эмиграцию с разгромленными частями белогвардейских войск, собрались в сербском городе Сремские Карловцы и заявили о

своих правах и полномочиях. Первое заседание состоялось 21 июля под председательством митрополита Антония (Храповицкого) – духовного и церковного лидера эмиграции.

В июле же 1921 года митрополит Антоний представил Святейшему Патриарху Тихону рапорт с предложением учредить Высшее Управление Российской Церковью за границей, объединяющее все зарубежные русские приходы и епархии Московского Патриархата, включая Финляндию, прибалтийские страны, Польшу, Северную Америку, Японию и Китай, под председательством Патриаршего наместника. Испрашивалось также благословение на созыв заграничного собрания Российской Церкви. В ответ 13 октября 1921 года Святейший Патриарх Тихон, Священный Синод и Высший Церковный Совет Российской Православной Церкви признали нецелесообразным учреждение должности Патриаршего наместника «как ничем не вызываемое». Высшее Церковное Управление оставили «с прежними его полномочиями», не распространяя сферу его действия на Польшу и Прибалтику. В Москве сообщение о предстоящем собрании приняли к сведению.

Несмотря на столь сдержанное, «сухое» отношение, явленное Московским Патриархатом и Синодом на события, происходившие в Сербии, процесс духовной и церковной консолидации, организации русской эмиграции шёл своим чередом. Всезаграничное Русское Церковное Собрание, впоследствии переименованное в Собор (в современной лите-

ратуре часто именуется Первым Всеаграничным Церковным Собором), состоялось 8–20 ноября (по юлианскому календарю) 1921 года в тех же Сремских Карловцах. Делегатами был заслушан «Наказ Собору», приняты Обращение к воинам русской армии, Послание чадам Русской православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим, а также Послание к мировой Конференции (международной Генуэзской). Ряд заявлений Собора носил чисто политический характер. В частности, призыв к восстановлению на российском престоле «законного православного царя из дома Романовых» и прямой призыв к мировым державам оказать помощь для вооружённого свержения большевистского режима и советской власти в Советской России. Так происходило образование Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ – «зарубежники»). Уже 31 августа 1921 года Архиерейский Собор Сербской Церкви предоставил Русской Церкви за границей право юрисдикции над русским духовенством, не состоящим на службе в Сербской Церкви.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал, что перед голосованием соборного «Послания чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» велись «долгие и жаркие дебаты в продолжение двух-трёх заседаний». Сам владыка Евлогий уговаривал наиболее влиятельных монархистов – делегатов Собора: «Поберегите Церковь, патриарха. Заявление несвоевременно... А как мы отягчим его положение! Патриарху и так уже тяжело». Однако при

голосовании 2/3 соборян высказались за предложенное обращение к русскому народу, 1/3 – против. 34 делегата, в том числе митрополит Евлогий, остались при особом мнении и подали мотивированное заявление. Там отмечалось, что «постановка вопроса о монархии с упоминанием при том и династии, носит политический характер и как таковая обсуждению церковного собрания не подлежит».

Но 5 сентября 1927 года Архиерейский Собор РПЦЗ, заслушав Послание заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и Временного Патриаршего Священного Синода от 16/29 июля 1927 года («Декларацию митрополита Сергия» о лояльном отношении к Советской власти), постановил: «Заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить сношения с Московской церковной властью ввиду невозможности нормальных сношений с нею и ввиду порабощения её безбожной советской властью, лишаящей её свободы в своих волеизъявлениях и каноническом управлении Церковью». И всё же до 1940-х годов, несмотря на выпады против митрополита-местоблюстителя Сергия, иерархи РПЦЗ (зарубежники) скорее все же осознавали себя частью единой Поместной Русской Церкви. В 1938 году Русская Зарубежная Церковь официально заявила, что священников, убежавших из советского государства, можно принимать в РПЦЗ без покаяния. Признавалась также благодатность таинств, совершенных митрополитом Сергием. Несмотря на резкую критику в адрес Сергия, в зарубежных

публикациях явно прослеживалось понимание тяжелейшей ситуации, в которой он находился.

С началом Второй мировой войны и в силу военных успехов Германии новый первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий начал рассматривать возможность переноса церковного центра в Швейцарию. Отношение военной германской администрации в Югославии к Архиерейскому Синоду РПЦЗ, в сравнении с отношением к Сербской Церкви, было скорее благожелательным. Но связь Синодальной канцелярии с другими странами после начала войны сделалась невозможной. Переписка с другими странами прервалась. Ранее налаженные сношения с Америкой и Дальним Востоком тоже оказались прерваны. С началом оккупации Сербии почта не шла даже в Германию. Германское руководство явно стремилось держать РПЦЗ в информационной изоляции.

22 июня 1941 года в покоях митрополита Анастасия сотрудниками гестапо был проведён обыск. Митрополит слыл у немцев англофилом. Также были произведены обыски в канцелярии Архиерейского Синода и на квартире правителя дел синодальной канцелярии Григория Граббе. Митрополит Анастасий воздержался от издания какого-либо послания в связи с началом войны на территории СССР. Но часть русских эмигрантов приветствовала начало войны между Германией и СССР, связывая с ним скорый крах большевистского режима в России. Отдельные иерархи – митрополит Западноевропейский Серафим (Лукиянов) в своём посла-

нии от 22 июня 1941 года, а также Архиепископ Берлинский и Германский Серафим (этнический немец с фамилией Лядэ) – и некоторые другие клирики РПЦЗ поддержали «освободительный поход» Вермахта против СССР, считая коммунистический режим гораздо бомльшим злом для России.

Даже в США в июле 1941 года эмигрантский Русско-американский комитет обратился с заявлением к президенту США Ф. Рузвельту, подписанным, среди прочих, архиепископом Североамериканским и Канадским (РПЦЗ) Виталием (Максименко), в котором говорилось: «...Германия вторглась в Советскую Россию, и в иных кругах высказывается мнение, что Америка без промедления должна прийти на помощь СССР. Комитет, представляющий лояльных американцев русского происхождения, с большою тревогою и глубоким прискорбием констатирует явно обозначающееся стремление отдельных чинов Администрации к оказанию Америке помощи не России, не русским, а красной диктатуре в лице Сталина. Мы полагаем, что было бы фатальной ошибкой для Соединённых Штатов выступить на защиту советов по следующим основаниям: во-первых, современная Россия находится под властью гнусной клики международных заговорщиков, известной под именем Коминтерна, стремящейся путём разлагательной пропаганды или же насилем ниспровергнуть законные правительства во всём мире».

Но с июня 1941 года основная цель Синода РПЦЗ в сно-

шениях с германскими ведомствами заключалась в стремлении участвовать в деле церковного возрождения на оккупированных Вермахтом территориях СССР. Однако просьба митрополита Анастасия, направленная в Рейхсминистерство церковных дел 26 июня 1941 года о разрешении ему на проезд в Берлин для обсуждения вопроса об организации на «восточных территориях» церковной власти, была отклонена.

* * *

В официальном военно-историческом издании «СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» о событиях первой военной осени написано следующее: «Осенние дни 1941 года были самыми мрачными в истории нашей Родины. Гитлер тогда объявил на весь мир, что созданы наконец предпосылки для того, чтобы посредством мощного удара сокрушить Красную армию ещё до наступления зимы. В его ставке и генеральном штабе сухопутных войск царило приподнятое настроение. Немецкое командование было единодушно в оптимистической оценке перспектив наступления на Москву. 12 октября 1941 г. генеральный штаб передал группе армий “Центр” следующую директиву: “Фюрер решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником”.

В конце сентября 1941 года линия фронта отстояла от

столицы на 300–550 км и имела протяжённость 800 км. К началу битвы за Москву на этом стратегическом направлении действовало три фронта: Западный (командующий генерал-полковник И.С. Конев), Резервный (командующий маршал С.М. Будённый), Брянский (командующий генерал-полковник А.И. Ерёменко). На этих фронтах располагались 95 дивизий. Но они уступали противнику в силах и средствах борьбы. В составе дивизий Красной армии было около 800 тысяч бойцов, в то время как им противостояло более млн солдат и офицеров Вермахта. Красная армия имела на этих трёх фронтах 780 лёгких и средних танков, 6800 орудий и миномётов. Но германские армии на этом направлении располагали 1700 средних и тяжёлых танков и 14 тысячами орудий и миномётов. 27 сентября Ставка Верховного Главнокомандования отдала войскам Западного направления директивы перейти к жёсткой обороне. Войска принялись рыть окопы, ходы сообщения полного профиля, блиндажи и дзоты, зарываться в землю. Но резервов и времени для организации обороны на всю глубину у фронтов не было. Через три – пять дней германская группа армий «Центр» перешла в наступление на Москву».

Примерно так выглядела официальная трактовка тех событий в советской исторической науке.

И уже другую версию представляют нам современные историки.

Одной из самых страшных катастроф, понесённых войсками Красной армии в ходе Великой Отечественной войны, считается разгром Брянского фронта и образование Вяземского «котла». Задачи по разгрому соединений Красной армии на московском направлении были обозначены в директиве № 35 от 6 сентября 1941 года командования Вермахта, подписанной Адольфом Гитлером. Немцы планировали полностью разбить Красную армию до наступления зимы. Реализовать эту цель немцы собирались путём двойного окружения в общем направлении на Вязьму – Можайск – Москву при наличии мощных ударных группировок на флангах (на севере и юге для охвата столицы СССР). 16 сентября появилась директива командования группы армий «Центр» о подготовке операции по захвату Москвы под кодовым названием «Тайфун». Немецкое командование планировало ударами крупных группировок, которые сосредотачивались в районах Духовщины (3-я танковая группа генерал-полковника Германа Гота), Рославля (4-я танковая группа генерал-полковника Эриха Гёпнера) и Шостки (2-я танковая группа генерал-полковника Гейнца Гудериана), окружить основные силы противостоящих им советских войск и ликвидировать

их в районах Брянска и Вязьмы. После этого стремительным маршем обойти столицу с севера и юга.

Последнее оперативное совещание всех командующих пехотных армий, танковых групп с участием генералов Гальдера и Браухича состоялось 24 сентября. А уже 26 сентября вступил в действие приказ о наступлении. В приказе говорилось, что 4-я полевая армия и 4-я танковая группа должны нанести удар по обеим сторонам шоссе Рославль – Москва, затем, наступая по линии шоссе Смоленск – Москва, замкнуть кольцо вокруг Вязьмы. Их действия дополняло наступление частей 9-й полевой армии и 3-й танковой группы. Подвижные части германских войск должны были выйти восточнее верховьев Днепра и соединиться с подразделениями 4-й танковой группы. Части 4-й и 9-й армий, которые были расположены между ударными группировками, должны были сковать силы советских войск в районе Ярцево – Ельня.

На южном крыле 2-я полевая армия получила задачу наступать в направлении Сухиничи – Мещовск и обойти Брянск с северо-запада. 2-я танковая группа должна была наступать на Севск – Орёл, во взаимодействии с силами 2-й армии окружить и уничтожить советские войска в районе Брянска.

«Последнее решающее сражение» собирались начать 28 сентября и завершить операцию «Тайфун» и всю кампанию (основные боевые действия) до середины ноября 1941 года. Замысел был грандиозным: на одном операционном направ-

лении было сосредоточено 3 танковые группы, 3 армии, к началу октября численность группы армий «Центр» составляла 1,9 млн человек. Это примерно 1700–2000 танков, 14 тыс. орудий и миномётов. Поддержку с воздуха осуществлял 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга (до 1320 самолётов). Германское командование смогло провести крупную перегруппировку сил: перебросить из-под Ленинграда 4-ю танковую группу, а с южного направления – 2-ю танковую группу Гудериана.

Московское направление защищали Западный, Брянский, Резервный фронты. Западный фронт под командованием генерал-полковника Ивана Конева занимал полосу обороны в примерно 300 км, по линии Андреаполь – Ярцево – западнее Ельни. В первом эшелоне оборону держали: 22-я армия командарма В.А. Юшкевича (Оставшковское направление), 29-я армия генерала И.И. Масленникова (направление на Ржев), 30-я армия командарма В.А. Хоменко и часть соединений 19-й армии генерала М.Ф. Лукина (Сычевское направление), 16-я армия К.К. Рокоссовского и 20-я армия командарма Ф.А. Ершакова (Вязьма). Всего в составе Западного фронта было 30 стрелковых дивизий, 1 стрелковая бригада, 3 кав. дивизии, 28 артполков, 2 мотострелковые дивизии, 4 танковые бригады (у фронта было всего 475 танков). В тылу Западного фронта и частично на его левом фланге были порядки Резервного фронта (командующий маршал С.М. Будённый). Силы Резервного фронта – 6 армий.

Силы Брянского фронта возглавлял генерал-полковник Андрей Ерёменко. Фронт закрывал 330 км на брянско-калужском и орловско-тульском направлениях. Дорогу на Брянск прикрывала 50-я армия командарма М.П. Петрова, 3-я армия генерал-майора Я.Г. Крейзера закрывала Трубчевское направление, 13-я армия генерал-майора А.М. Городнянского – севское, а оперативная группа генерал-майора А.Н. Ермакова – курское направление. Всего на Брянском фронте было 25 стрелковых, 4 кавалерийские дивизии, 16 арtpолков, 1 танковая дивизия, 4 танковые бригады. Дивизии были укомплектованы личным составом не полностью. Так, в 50-й армии численность стрелковой дивизии была в среднем равна 8,5 тыс. человек, в 3-й и 13-й армиях по 7,5 тыс. В кавалерийских дивизиях было по 1,5–2 тыс. человек. Подобная же ситуация была в частях Западного и Резервного фронтов. У Брянского фронта было 245 танков.

Общая численность сил всех трёх фронтов насчитывала 1,2 млн человек, 10,5 тыс. орудий и миномётов, примерно 1 тыс. танков. ВВС трёх фронтов насчитывали 548 боевых самолётов. После начала битвы ВВС были усилены 368 бомбардировщиками дальней авиации и 432 самолётами истребительной авиации ПВО Москвы. Таким образом, лишь советские ВВС не уступали в силе немецкой авиации.

Оперативные планы советского командования на западном направлении предусматривали ведение обороны почти по всей линии противостояния. Так, 10 сентября Ставка

приказала Западному фронту перейти к обороне, «закопаться в землю» и выделить в резерв 6–7 дивизий за счёт второстепенных направлений, чтобы создать мощную маневренную группировку. Заместитель начальника Генштаба А.М. Василевский предупреждал уже 18 сентября, что немцы готовят удар на ярцевском и ельнинском направлениях. Директивой Ставки войскам Западного фронта 27 сентября предписали перейти в жесткой обороне, разрешались только активные разведывательные действия и частные наступательные операции. Советское командование предполагало, что главный удар немцы нанесут вдоль шоссе по линии Смоленск – Ярцево – Вязьма, в полосе 16-й армии генерала Рокоссовского. Здесь была создана довольно плотная оборона. Средняя укомплектованность дивизий 16-й армии на Западном фронте была самой высокой – 10,7 тыс. человек. Кроме того, у Рокоссовского было 266 орудий, 32 зенитки (для борьбы с танками), танковая бригада. Армия Рокоссовского обороняла фронт длиной в 35 км. Соседняя 19-я армия генерала Лукина обороняла 25 км, имея 3 дивизии в первом эшелоне и 2 дивизии во втором. У 19-й армии было 430 орудий и 56 зениток. Потому на фронте, занимаемом 19-й армией, не наступала ни одна танковая дивизия Вермахта. Надо учесть и тот факт, что за линией обороны 16-й и 19-й армий был создан резервный рубеж, его подготовили соединения 32-й армии Резервного фронта (там были даже батареи тяжёлых морских орудий, которые прикрывали шоссе, мост,

железнодорожную линию). Понятно, что если бы немцы ударили вдоль шоссе, то понесли бы серьёзные потери. Но разведка у немцев была организована хорошо...

Другие же опасные направления так хорошо прикрыть просто не было возможности. 30-я армия генерала Хоменко, на которую потом пришёлся основной удар 3-й танковой группы, прикрывала фронт в 50 км, на всю линию обороны было 157 орудий, 24 зенитки. У 30-й армии танков вообще не было.

Глава 1

«Наша поступь тверда и врагу никогда не гулять по республикам нашим...»

(Слова советской песни конца 1930-х гг.)

Война началась для очень многих неожиданно. Для очень многих, но не для всех. Во всяком случае, младшего лейтенанта Красной армии – командира миномётной батареи Сергея Михальчевского – удивляло не столько само неожиданное нападение Германии, сколько скорость продвижения германских войск от границ во внутренние районы страны. Прав был старик-отец, когда ещё за несколько лет до войны говаривал:

– Нападётъ ерманец вновь на Рассею, помяни моё слово, сынок. Год-другой – нападётъ. И о чём только властя советские помышляють? Мы то при царю-батюшке в ту войну три года немца и австрийца на рубежах били и держали. И совсем бы побили, да революция превзошла. А царская-то армия к войне готова всегда была. Ноне же Красная армия ни хрена немца и за три года не побьеть. А помыслить, да поглядеть, так и за четыре года разобьет ли?

Теперь в начале октября севернее Брянска уже в полном окружении без мин, гранат и даже без патронов Михальчевский очень хорошо это всё вспомнил и осознал. Десятки танков и бронемашин замерли на месте без топлива. Сотни батальонов, сотни артиллерийских и миномётных батарей, десятки кавалерийских эскадронов, десятки дивизий и все – в котле. Ещё до окружения уже в третьем эшелоне от передовой несколько дивизий было укомплектовано из местных: орловских, брянских, карачевских, севских мужиков-запасников. Не молодежь призывного возраста, конечно, в армии послужили, но боевого опыта никакого.

Ох, и где-то теперь линия фронта?! Пойди разбери... А главное – вновь призванные в армию бойцы почти все без оружия и без боеприпасов. В ротах стрелковых батальонов всего по десять-двенадцать винтовок с магазином патронов. Оружие не успели подвезти и раздать людям. У командного и политического состава, естественно, патроны для пистолетов в наличии. Но что ты сделаешь с двумя десятками патронов, если в твоём подчинении сотни и тысячи голодных, обзлётанных мужиков с отточенными сапёрными лопатками, ножами и топорами. И почти каждый в хвост и в гриву клянёт командование и политруков, что позволили немцу загнать в окружение десятки дивизий Красной армии. На дворе осенние холода, а шинелей, ватников и телогреек тоже не выдали. Многие разуты – не получили ни обмоток с ботинками, ни сапог. Хорошо, что те, кто призвался из сёл и деревень, взя-

ли с собой и умеют плести лапти. Люди рвут старое нижнее бельё на онучи, одевают, подвязывают, как в старину, обувь, плетённую из лыка. Так хоть как-то ноги можно уберечь от холода, не застудиться.

* * *

Генштаб РККА довольно точно предвидел время удара, но ошибся в определении ударных сил противника, направлениях главных его ударов. Немецкая 3-я танковая группа Гота ударила в стык 19-й и 30-й армий, севернее шоссе Ярцево – Вязьма. Удар 4-й танковой группы генерала Гёпнера был направлен южнее шоссе, по 24-й и 43-й армиям. Немцы смогли создать огромное преимущество на локальных направлениях. Командование Брянского фронта ошиблось и в направлении главного удара. Удар на Брянск ждали с запада. Немцы же ударили на 120–150 км южнее.

Опытный и мудрый Гейнц Гудериан решил начать наступление на два дня раньше других ударных группировок. Он воспользовался хорошей погодой и поддержкой авиации, которую ещё не использовали на других направлениях. С линии Гадяч – Путивль – Глухов – Новгород-Северский 2-я танковая группа 30 сентября 1941 года перешла в наступление на Орёл и Брянск. В своём составе она имела 15 дивизий, из которых 10 были танковые и моторизованные. Командующий Брянским фронтом генерал Ерёменко 3 октября попы-

тался силами 13-й армии и группы Ермакова нанести контрудар по флангам вбитого в оборону его фронта немецкого клина. Но силы немцев оказались недооценёнными. Сначала казалось, что к Севску прорвалась группировка в составе 1 танковой и 1 моторизованной дивизий. Но в прорыв пошли три германских моторизованных корпуса. Контрудары Красной армии силами 13-й армии (две стрелковые дивизии), группы генерала Ермакова (три стрелковые дивизии) успеха не имели. Уже 3-го октября немцы ворвались в Орёл.

* * *

Верно, в стародавние времена, ещё с XVI века, пролёг тракт между древним средневековым Брянском (Дебрянском) и довольно молодым Орлом. Дебрянский кром (кремль) был построен на гребне неприступной правобережной горы, вставшей на мысу над быстрой и глубокой рекой Десной. И вокруг него такие же высокие горы правого берега реки и глубокие яруги (овраги). Поставлен этот кром и град-святилище ещё в XI веке восточными славянами-язычниками – вятичами, радимичами и родственными им «северой» (северянами) – на стыке их владений у границ заповедных «брынских лесов». Но ещё в X веке стали эти земли частью огромного древнерусского государства, и все славяне платили дань Киеву. Никакой внешний враг никогда за всю историю Брянска не мог и не пытался взять «копъём» (при-

ступом) этот град. Шли века, распалось древнерусское Киевское государство, в огне монголо-татарского нашествия завершился распад древнего русского этноса, пришло и ушло в небытие ордынское иго над Русскими землями, потомки вятичей и радимичей влились в молодой великорусский этнос, потомки северы присовокупились к этносу малороссийскому, а Брянская земля на рубеже XV–XVI вв. навечно влилась в состав нового Русского (Российского) государства, взявшего начало своё от Великого княжества Московского – Владимирского.

Вёрстах в тридцати юго-восточнее Брянска ещё в XII веке вырос древний город Карачев (ровесник Москвы). Возник он как небольшая крепость – удельный град одной из ветвей династии чернигово-северских князей. Построен этот городок был на перепутье дорог и на границе дремучих лесов и лесостепи Русской равнины. Из Брянска через Карачев и пролёг тракт на юго-восток – в Дикое поле. На восток, юго-восток и юг от Карачева на сотни вёрст, чуть ли не до самого Северного Причерноморья искони лежат чернозёмы. Толстый, плодородный слой их местами составляет несколько метров. Не требует эта земля никакой «прикормки», никаких удобрений, но требует только рала и бороны, чтобы выросли пшеница и рожь. И рожь в тех землях такие зерновые, что хлебом этим можно накормить всю Европейскую Россию и даже остальную Европу. А так, ткни палку – вырастет дерево. Возьмёшь пальцами землю, разотрёшь – она

на ощупь жирна, как творог, только черна. Едешь осенью или весной по этим бескрайним просторам – и до горизонта тянутся чёрные вспаханные поля, неглубокие яры, балочки, да небольшие перелески из орешника и дуба. Ветерок доносит какой-то необыкновенный сладковато-горьковато-дымный запах чёрной пахоты. Весной, когда тает снег и становится мягкой земля, ручейки и речушки по оврагам и низинам темны текут.

Уже в XVI веке, как только отступила ордынская опасность, как только русские войска дали по зубам крымским татарам, порой добравшимся в своих набегах то до берегов Оки, а то и до самой Москвы, на эти чернозёмы и двинулось русское крестьянство. Русские воины и землепашцы осваивали Черноземье, двигаясь с северо-запада на юго-восток (от Брянска) и с севера на юг (от Серпухова, Каширы, Коломны, Тулы). Вот тогда и пролёг тракт на восток от Брянска через Карачев. И одним из первых крупных городов в Черноземье на этом пути в XVII веке стал град-крепость Орёл. По этому тракту от Брянска до Орла более 110 вёрст.

Быстро двигались brave солдаты Вермахта по тому древнему русскому тракту – по шоссе из Орла на Брянск. Ехали победоносно – на мотоциклах, в кузовах машин, на броне транспортёров, удивлялись, смеялись, балагурили, курили, пили шнапс. Без раздумья, легко били из автоматов и пулемётов по опустевшим, брошенным придорожным хатам маленьких деревень и посёлков, расшибая и кроша затворён-

ные окна и двери. Стреляли так, для острастки, для храбрости. Уже восьмые сутки перед их взглядами расстилались бескрайние, чёрные пашни и поля.

О, майн гот! Какое богатство! Трудно поверить глазам. Какое огромное приобретение для будущих германских колонистов – новых помещиков и хозяев этой земли! Неужели всё это богатство теперь принадлежит Великой Германии и германскому народу?!

Вечером 5-го октября Ставка Верховного Главного командования Красной армии разрешила командованию Брянского фронта отводить войска на вторую полосу оборону – в районе города Брянска и к реке Десне. Брянск предписывалось оборонять всеми возможными силами и средствами. Но уже 6 октября немцы с тыла ворвались в город несколькими танковыми и моторизованными колоннами. Командарм Ерёменко отдал приказ прорываться с боем севернее города на восток.

* * *

Личный состав стрелкового полка сразу после изнурительного ночного марша по лесу созвали на митинг на заброшенной лесной просеке. Тысячи голодных, оборванных, смертельно усталых солдат и младших командиров выстроились тремя длинными шеренгами, изобразив подобие строя. С десятков офицеров старшего комсостава стояли перед ни-

ми. Полковой комиссар стрелкового полка, к которому была придана миномётная батарея, выйдя вперёд, попытался было, размахивая своим револьвером, агитировать солдат: де, давайте, братцы, прорываться на восток или на юг к своим за линию фронта. Но хмурые и озлобленные солдаты и младшие командиры молча стояли перед политруком, опираясь на лопаты и заострённые колья.

– Ишь, ты! Братцев вспомнил! А то всё кричал: «Товарищи, коммунисты, комсомольцы, долг, социализм! Растуды-т твою дивизию!» – негромко, но грозно, услышанное многими, произнёс кто-то из рядовых.

Полковой комиссар, поблуднев, отступил в круг офицеров старшего состава. Некоторые из офицеров стали незаметно расстегивать кобуру.

– Товарищи солдаты и младшие командиры! – выйдя вперёд, твердо и громко произнёс уже комполка. – Мы понимаем всю сложность создавшегося положения. Мы видим просчёты вышестоящего командования. Вы не имеете ни боевого оружия, ни продовольствия, ни должного обмундирования. Потому я, как командир полка, призываю вас – всех, кто может последовать за мной. Сейчас мы километрах в двадцати юго-западнее Болхова, – комполка на несколько секунд прервался и взял в руки плётку.

Два штабных офицера развернули полевую карту. Комполка указал концом плети приблизительное местонахождение полка.

– Я поведу вас на прорыв из кольца, выведу вас из окружения в расположение ближайших частей Красной армии, сражающихся километрах в сорока юго-восточнее нас под Мценском. Все, кто добровольно последует за мной, два шага вперёд. Остальные вольны поступать так, как им подсказывают чувство долга и совести, – призвал командир.

После этих слов около половины бойцов сделало два шага вперёд. На месте остались стоять те, чьи родные места – поселки, деревни, сёла и города – были неподалеку и кто чаял добраться домой и выждать время. Остался стоять на месте и младший лейтенант Михальчевский. С ним – вся его миномётная батарея.

– Не тащить же тяжёлые миномёты семьдесят вёрст за линию фронта. Все руки и плечи надорвали, пока тащили их по изрытым и размытым дождями лесным дорогам. И всё напрасно – миномётная батарея так ни разу и не ударила по врагу. Да и сорок вёрст – это сегодня, а завтра, может быть, будет уже все сто. Зачем их тащить?! Мин-то всё равно нет, – примерно так думал почти каждый боец-миномётчик.

«Ну а если будем прорываться, смогу ли я заставить людей нести на себе бесполезные, тяжёлые орудия? Нет, не понесут. Откажутся и только ещё сильнее обозлятся. А прорываться за линию фронта без материальной части равно что самого себя к расстрелу приговорить. Особисты спуска не дадут, быстро устроят военно-полевой суд. Осудят и в лучшем случае – штрафбат. В худшем – поставят к стенке», –

одна за другой вспыхивали мысли в голове Михальчевского.

К комполка подошёл один из офицеров и что-то негромко сказал ему.

– Товарищи, немец находится от нас в пятистах метрах вот за этой просекой, – выкрикнул комполка и указал на юг. – Всем, кто пойдёт за мной, приготовиться к атаке и рукопашной! По моему сигналу, вперёд! – уже охрипшим голосом громко добавил он.

Рядовые засуетились, перехватывая холодное оружие. Офицеры передёрнули затворы пистолетов.

– Миномётная батарея! Слушай меня, – тихо обратился Михальчевский к своим людям. – Оставляй миномёты и налегке за мной. Кто в прорыв не пойдёт, разбегайся, куда хочешь.

С этими словами он достал из кобуры ТТ и передёрнул затвор. Поправил каску на голове, подтянул её ремешок, шагнул в строй тех, кто готовился к атаке.

«Пойду в прорыв с комсоставом. А там поглядим, коль жив буду. Отсюда до Карачева вёрст под шестьдесят, – думал про себя младший лейтенант. – Да от Карачева до Комаричей ещё верст сто. За неделю-то как-нибудь доберусь окольными путями до родного дома...».

– В атаку! За Родину! За Сталина! Ур-ра!!! – прозвучал хриплый призыв комполка.

Михальчевский очнулся у основания ствола сосны, сваленной снарядом. Открыл глаза. Оглядел помутневшим взором всё, что мог, вокруг. Корни дерева вывернуты из грунта, и на них повисли комья песчаной земли, тонкие корешки трав и растений. Песчинки с корней сдувает и сыплет холодный ветерок. Постарался вспомнить, что случилось. Голова сильно болела. Вспомнил, словно сквозь сон, как бежал, перепрыгивая через пеньки и корни деревьев с криком «Ура!» со всеми вместе среди соснового редколесья к опушке.

Немцы показались неожиданно и почти рядом – метрах в сорока. Все упакованные, готовые к бою: в серой форме и «маскировке», в касках с камуфляжем, в плечевых ремнях, с ранцами, со штык-ножами, гранатами, подсумками для боеприпасов на поясе. Били из автоматов и карабинов навскидку, метали гранаты. Патронов не берегли. Косили, резали, как траву, русских ребят с сапёрными лопатками и ножами. Михальчевский впервые видел противника столь близко и непосредственно. Он припал на одно колено и прицельно стрелял из пистолета по немцу в тяжёлой каске с карабином и штыком. Тот тоже целил в кого-то. Глаз и рука, державшая ТТ, не подвели Сергея. После выстрела немец завалился в кусты. Михальчевский вновь рванулся и побежал со всеми вместе, но не пробежал и пятидесяти метров.

Вспышка! Обжигающая волна оторвала подошвы ног от земли и отбросила куда-то в сторону. Удар! Каска слетела с головы. Всё погасло перед глазами...

Потом какой-то тоннель с багровыми стенами. Полёт... и он опять лежит на земле.

Михальчевский приподнялся, встал на колени. В голове и в глазах всё переворачивалось с ног на голову. Где-то далеко, верстах в трёх-четырёх ещё гремел бой.

«Скорее уползти отсюда в лес! Иначе – плен», – лихорадочно крутилось в голове младшего лейтенанта.

Пальцами нащупал на земле среди сосновой хвои холодный стальной ствол ТТ. Потянул к себе и убрал оружие в кобуру. Каску оставил. Пилотку нашёл и надел на голову. Пополз на четвереньках назад в сторону лесного массива. По пути то тут, то там встречались убитые ребята из его полка. Кто-то тяжело стонал. Но стон этот был слышен далеко, и Михальчевский понял, что вряд ли доползёт и найдёт раненого. Немцы были рядом. Слышна была их приглушённая речь и редкие выстрелы. Верно, добивали раненых – тех, что не могли подняться и идти сами. Через полчаса Сергей был уже в чаще леса. Спустившись в глубокий овраг, он нашёл там ручеёк, журчавший среди старых поваленных стволов и камней. Подобравшись к самой воде, умылся и долго пригоршнями черпал и пил студёную воду. Голове стало полегче. Пошатываясь, встал на ноги, посмотрел вверх. В дымке осеннего неба сквозь лесную крону неярко просматривалось

солнце. Покачиваясь на слабых трясущихся ногах, Сергей по дну оврага медленно пошёл на юго-запад, осторожно обходя большие стволы упавших деревьев и камни.

* * *

Старинное село Вербник, что стоит верстах в семи южнее Орловско-Брянского шоссе (тракта), возникло на речке с одноименным названием, верно, где-то в XVI веке. Севернее его верстах в пятнадцати расположилось богатое и большое село Хотынец – центр Хотынецкой волости, а юго-восточнее, тоже верстах в пятнадцати, раскинулось немалое село Шаблыкино – центр Шаблыкинской волости. (В советское время стали эти волости районами.) Вербник – на границе этих волостей.

Откуда такое благодатное и странное название? Стоит это село в довольно живописном месте. Медленная, вся в заводях речка Вербник делит село надвое большой низиной. В речку впадает множество мелких ручейков, берущих своё начало из родников. Место тут водоносное, чистое. В долине реки, в низине на поверхность выходит глина. (Потому-то одна из соседних деревень, что стоит на соседней реке Цон, называется Глинки.) Видать, неспроста решили русские землепашцы-первопроходцы осесть в этих местах. Земля родит – лучше не надо. Кругом сплошь чернозёмы. Да и родниковая вода рядом. Над низиной, в которой течёт речка, много

высоких «горок», разделённых ярами и ручейками. Вот на этих горочках и «расселись» многочисленные крестьянские дворы.

Село вроде бы одно. Но каждый двор – на своей отдельной горке. Все хаты большие – просторные, крытые то под соломой, то под железом. Внутри – изба, сложенная из брёвен, и большая русская печь. Снаружи изба обмазана глиной и побелена, чтобы противостоять пожару, летней жаре и зимней стуже. Каждая хата на самом высоком месте. А вокруг хаты: хлев, конюшня, сеновал, часто и рига с амбаром, погреб, сад с огородом, окружённые небольшим рвом и валом, огороженные плетнём из лозы (чтоб в летнее время сберечь влагу). Нестрашны этому селу ни половодье, ни засуха, ни пожары, ни снежные заносы.

А в ярах у реки во множестве растут раскидистые вербы да ракиты. Как правило, в апреле пред великим праздником входа Господня в Иерусалим распускается весь этот «вербник» над рекой и цветёт серебристо-пушистым покровом. На деревьях и кустах листвы ещё нет, а тут всё уже благоухает. Холодные весенние ветры не беспокоят долину сонной реки. Сельский храм Успения пресвятой Богородицы, что поставлен на самой высокой горочке близ села, в дни Лазаревой Субботы и Вербного Воскресенья всегда украшен молодыми распустившимися ветвями вербы. Часто цвет вербника стоит, не спадает и на Христово Воскресенье, и на светлую седмицу – до самых первых тёплых апрельских дней.

Народ в этом селе родился задиристый, крепкий, рослый и работающий. С тех пор как царь Пётр устроил гвардию, молодых парней из этого села стали брать на службу царскую в основном в гвардейские полки. После трудных и дальних походов, войн и сражений, после многолетней службы в новой столице России в шутку и прозвали многочисленные отставники-ветераны своё село «Новый Санкт-Петербург».

В Вербник, в окрестные посёлки, деревни и сёла немцы пришли в начале октября. Пришли вроде бы не как враги, но как хозяева. Ещё за неделю до того, как они появились, представителей советской власти, администрации и местных большевиков словно поганой метлой вымело. Осталось, правда, в округе несколько человек партийных, но и они спрятали партбилеты и забыли о своём прошлом. Это были порядочные добрые люди, никогда не злоупотреблявшие своим партийным положением, защищавшие своих односельчан от прижимов НКВД, руководящих партийных работников и «злочинного руководства» колхозов. Эти люди знали: народ их не выдаст. Но многие из них, верно, были связаны с партизанами. Так, в одном из посёлков, что образовался в столыпинское время, когда вербниковская молодёжь отселялась на дальние пашни, принадлежавшие селу (потому и назывался посёлок «Юным»), остался уважаемый всеми директор местной школы Ананий Петрович Овчаров. В Кулешовском посёлке, что стоял за орловско-брянским шоссе у леса, не сбежал, а остался дома ветеран Первой

мировой войны Василий Павлович Кулешов. В Сеновском посёлке, что ближе к селу Семеновскому, тоже жил кто-то из «бывших» большевиков.

Слухи о немцах ползли самые разные – то зловещие, то так себе. Одни говорили, что оккупанты зверствуют; расстреливают, вешают, грабят, жгут дома только за то, что им кто-то не понравился. Другие говорили, что немцы расстреливают только коммунистов и евреев, крестьян же уважают. Крестьяне, конечно, боялись, прятали добро, запасали продовольствие, соль, спички, мыло. Но бежать-то всё равно было некуда. Куда ты побежишь из своего дома холодной осенью с детишками? Когда немцы пришли на самом деле, то пришли вроде бы не и враждебно. Но все поняли, что старые хозяева сбежали, но заявили новые.

* * *

Командование Красной армии усиленно готовило к обороне Тулу. Тульские оружейные заводы работали на пределе своей мощности. Этот город – древнюю оружейную кузницу России – нельзя было сдавать врагу ни при каких обстоятельствах. Население города и окрестных посёлков рыло окопы, блиндажи и широкие рвы, устанавливали противотанковые ежи вдоль и поперёк шоссе и грунтовых дорог по всей округе. К Туле стягивали остатки вышедших из окружения частей Красной армии, а там переформировывали, перево-

оружали их, сводили в новые бригады и батальоны. В городе формировали ополчение – истребительные батальоны из добровольцев – рабочих тульских оружейных заводов, горожан, комсомольцев-студентов, старшеклассников. Ополченцев учили стрелять из винтовок и пулемётов, колоть штыком, бить прикладом.

Пятнадцатилетнего Олега Пескова, как и многих его товарищей пятнадцати-семнадцати лет, зачислили добровольцами в отряд истребителей. Таких мальчишек, добровольно вступивших в отряд, было несколько сот человек. Они уже успели насмотреться на «прелести войны». Среди них было немало отчаянных ребят – обычной городской шпаны, что в мирное время носили кастеты в карманах и ножики за поясом, дрались улица на улицу, отнимали деньги и часы у хорошо одетых юношей, «щипали» кошельки у зазевавшихся добропорядочных граждан. Но здесь они словно переродились и стали защитниками Родины.

В истребительном отряде парней и даже девушек, решившихся воевать, готовили бросать гранаты и поджигать бронетехнику врага бутылками с горючей смесью – «коктейлем Молотова», вытаскивать на себе раненых, останавливать кровь, перевязывать раны. У Олега неплохо получалось метать гранату в цель. Помогло ему то, что с детских лет любил он кидать камни, пугать собак и кошек. Во всяком случае, с тридцати метров он, поднявшись из окопчика, попадал деревянной болванкой в мишень. Сложнее было с бутылками,

наполненными горючей смесью. Ведь надо было сначала зажечь запал, выждать, когда хорошо загорится, а лишь потом выпрыгивать из окопа и бросать в цель. Но и здесь Олег преуспел и даже начал помогать своим друзьям, у кого с этим делом получалось хуже.

Среди своих сверстников и даже тех, кому было восемнадцать, Песков уже чувствовал себя опытным бойцом. Ещё в первой половине июля Тула проводила отряд из нескольких тысяч своих юношей на трудовой фронт под Смоленск. Олег, как ученик морской школы, прошедший хорошую выучку, был назначен старшим одной из групп этого отряда. А в группе-то было более ста пятидесяти человек. Задачей ребят трудового фронта было рытьё противотанковых рвов. Сначала всех их привезли в Дорогобуж. Высадили, рассредоточили по западной границе города по километру в разные стороны. Работы начались и... через три дня руководство было вынуждено отвести всю «армию» землекопов восточнее. Слишком быстро наступал немец.

Так они всё шли и шли на восток. Не успеют подойти к новому участку обороны и начать рыть – налетают фашистские ястребы, бомбят, бьют из пулемётов с бреющего полёта. Среди ребят появились раненые и убитые. Парни сжимали кулаки, от злости кусали губы, матерились, зарывая в землю, хороня своих товарищей. А как ответить обнаглевшему, неуязвимому врагу? Злость и ненависть копились в сердце.

Получив новое указание, руководство повело свою трудо-

вую армию к Вязьме. Много дней и много вёрст шли они по Смоленщине. Запомнилось, что шли без остановки. Обувь обтрепалась и развалилась. Ребята шли босиком. Спали на ходу. Снабжения не было. Трава, морковь, яблоки, груши, сливы в заброшенных огородах служили «подножным кормом». Пили из речушек и ручейков. Пить из колодцев опасались. Местные предупреждали, что колодцы могли быть отравлены диверсантами. Самолёты врага «сопровождали» их, но обстреливали уже реже и не так прицельно. Верно, другие, более важные цели на востоке были поставлены им. Наконец дошли до Вязьмы. Оттуда ребят в начале сентября каким-то чудом отправили и привезли домой. Так состоялось первое боевое крещение Олега Пескова.

В его доме в большом подвале разместился штаб местной противовоздушной обороны Тулы. На его базе сложился один из центров формирования истребительных батальонов. Помогая бойцам ПВО, Олег и вступил в истребительный батальон.

* * *

Чтобы остановить наступление немцев на брянско-орловское направление, советское командование перебрасывало резервные части. С Резервного фронта переводили 49-ю армию, с резерва Ставки – особый гвардейский стрелковый

корпус Дмитрия Лелюшенко¹. Против танковой группы Гудериана бросили четыре дивизии дальней авиации и авиадивизию особого назначения². Направили на курское направление и гвардейскую стрелковую дивизию³. Ей придали танковую бригаду. Эти силы по первоначальному плану должны были деблокировать окружённые войска Брянского фронта.

Пока резервы перебрасывали на южное направление по железным дорогам, а части Брянского фронта пробивались из окружения, предпринималось всё, чтобы приостановить наступление немцев *на Тульском направлении*. В район Орла и Мценска 3 октября десантировался 5-й воздушно-десантный корпус (две бригады – 6 тысяч бойцов). Десантники героически дрались под Мценском до 20 октября, пока их сильно поредевший корпус не сменили и не вывели из боя.

Схватка за Мценск овеяна славой танковой бригады генерала Катукова. Командование 4-й германской танковой дивизии во главе с генерал-майором Виллибальд фон Лангеманном, опьянённое успехом, пренебрегло разведкой и охранением. Немцы зарвались и нарвались на внезапный удар советских танкистов, которые разнесли в пух и прах германскую танковую дивизию.

¹ 1-й особый гвардейский стрелковый корпус.

² 8-я авиадивизия особого назначения.

³ 7-я гвардейская стрелковая дивизия.

Но уже в начале октября германская авиация начала бомбить Москву; бомбили главные развязки шоссе, электроподстанции, элеваторы, водонапорные башни, важные железнодорожные узлы и станции ближайшего Подмосковья и все тому подобные объекты. Силы противовоздушной обороны Москвы ещё только формировались, но уже начали вступать в бой с вражеской авиацией.

Тихий, живописный, дачный уголок – южный пригород столицы Царицыно, известный своими роскошным огромным парком и готическими дворцами зодчих Баженова и Казакова времени правления императрицы Екатерины II. Ещё в XIX веке западнее дворцового ансамбля и парка прошла Курская железная дорога. Во время её прокладки здесь в стиле «модерн» был построен шикарный вокзал с огромными окнами, с большим светлым залом ожидания, рестораном, кафе и двумя перронами. Напротив – платформа с длинным пакгаузом из бруса для разгрузки товарных поездов. Рядом располагались круглая водонапорная башня для заправки паровозных котлов, небольшое ремонтное депо, длинный виадук над широкой лентой железнодорожных путей с десятком стрелок и с десятком других небольших пристанционных построек. Словом, немалое хозяйство, а главное – важный железнодорожный узел. Именно в Царицы-

но сходятся, направляясь к Курскому вокзалу, две основных ветки – южная (Москва – Тула – Орёл – Курск – Харьков) и юго-восточная (Москва – Елец – Валуйки – Луганск и Донецк). Стоит ли говорить о важности этого узла, если круглый год по юго-восточной ветке в Москву шли эшелоны с углём из Донбасса.

В один из прохладных осенних вечеров первой трети октября в Царицыно перед выходом на южное направление недалеко от вокзала и депо под парами остановился воинский эшелон (следовавший на Тулу или Мценск). В тот час и случился массированный налёт немецкой авиации, запомнившийся всем местным жителям, о котором они рассказывали потом многие годы спустя уже своим детям и внукам, родившимся после войны. Стонала сирена. Тяжкий гул моторов тяжёлых бомбардировщиков давил округу. Земля содрогалась от разрывов авиационных бомб. Дымил и занялся пламенем большой элеватор в Бирюлёво. Горел хлеб, и сладковато-горький, печёный запах горелого зерна висел в воздухе. Где-то около старинного парка, гавкая, била пока ещё единственная зенитная батарея, словно верная, но небольшая добрая дворовая собака, защищавшая и охранявшая дом. Тёмное небо озарялось неяркими разрывами зенитных снарядов.

И вот один немецкий ас спикировал и всё же попал зажигательной бомбой прямо во второй от паровоза грузовой вагон того эшелона. Часовой из охранения у головы состава

только и успел проорать:

– Тревога! Караул в ружьё! Второй вагон горит!

И с тем со всех ног побежал от паровоза в сторону депо вдоль состава. Была тому причина! Караул, что был в эшелоне, мигом слетел с вагонов вместе с начальником караула. Всё охранение словно ветром сдуло. Второй вагон мгновенно охватило ярким пламенем. Загорелось брезентовое покрытие и деревянные стенки вагона. Увидев это, начальник караула остановился, схватился за голову и следом достал ТТ, чтобы пустить себе пулю в висок. Паника быстро охватила десятки людей на вокзале и на привокзальной территории. Машинисты, оставившие паровоз, железнодорожные рабочие, обслуга вокзала, стрелочники, ремонтники, караульные побежали в разные стороны – подальше от эшелона.

– Ой, рванёт, рванёт сейчас, костей не соберешь! Бяги! Бяги, ребята! – истошно орала немолодая стрелочница.

Услышав крики, из депо выбежал одетый в форму железнодорожника коренастый седоватый мужчина лет сорока. Это был один из машинистов Курской железной дороги, живший в Царицыно. Он случайно зашёл в депо к своему дружку-ремонтнику, чтобы пропустить по стакану после тяжёлой смены. Увидав, что ярко полыхает второй вагон, и услышав, что надо немедля уносить ноги, иначе «рванёт и костей не соберёшь», он бросился ко второму вагону. Это был человек неробкого десятка, имевший к тому времени уже семерых детей. «От молодых ногтей» – с четырнадцати

лет, ещё «с царского прежима» прошёл он хорошую трудовую школу, стал рабочим и крепко знал своё дело. Знал и сцепку вагонов. Мгновенно смекнув, чем нагружен состав, он быстро расцепил второй и третий вагоны. Перекрестился. Метнулся к паровозу. Благо тот стоял под парами. Забрался в машинное отделение, дал сильный гудок и пустил паровоз по железной дороге на юг в сторону от станции.

– Васька! Василий! Прыгай, дурило! Вася, дружочек! – кричал во след гудевшему паровозу и машинисту его друг – ремонтник из депо.

Василий разгонял паровоз всего две с половиной минуты. Гнал подальше от станции и молился Христу-Спасителю. Знал, что Господь не выдаст, а оставит живым или сразу заберёт его, раба своего, в Царство свое. Он даже успел сбросить скорость паровой машины и спрыгнул всего за полминуты до того, как разорвались первые снаряды второго вагона. Всех этих трёх минут хватило на то, чтобы паровоз и два вагона ушли от станции на два километра. Второй вагон начал рваться в куски над небольшой речкой Городянской, что течёт в глубокой низине, а потом уходит в сводчатую трубу под крутой железнодорожной насыпью. Третий вагон рвануло уже за речкой ближе к барачному посёлку железнодорожных рабочих ПЧР. Там пронизанный огнём паровоз ещё потихоньку двигался и тянул за собой разлетающиеся вдребезги вагоны.

В сгущавшихся осенних сумерках по всей округе разда-

вался такой грохот, полыхало такое зарево, что люди окрестных царицынских улиц и ближних посёлков выбежали из домов и с ужасом смотрели в сторону железной дороги. Там на железнодорожной насыпи над низиной и тихой речкой свирепствовал и извергал тысячи смертоносных осколков огненный факел войны. Войны, докатившейся почти до самой Москвы.

Вместе с младшими доченьками Ниной и Настенькой вышел из дома посмотреть на то, что творится на железной дороге, и ревизор финансового ведомства (бывший военспец Всеобуча) Кирилл Изгнанников. От его дома до полыхавшего рвущегося состава через долину реки было километра полтора-два на юго-запад. Осколки не долетали сюда. Но с горки, по которой проходила улица Пушкина и на которой стоял их дом, было хорошо видно всё. Кирилл был задумчив, крестился и вспоминал годы уже далёкой Гражданской войны, бои в Москве осенью 1917 года. Притихшие, испуганные девчушки прижимались к отцу. Одиннадцатилетняя Нина плакала. Восемилетняя Настя что-то лепетала и тихонько спрашивала, дергая отца за штанину. Помолчав несколько минут, Кирилл задумчиво вдруг изрёк:

– Над нашим домом свет сияет!

– Какой свет, дядя Кирилл? Где свет? – с интересом и испугом спросил его соседский мальчик лет двенадцати Коля Пряхин.

С тех пор, как зиждется Россия,
С мечом Иисуса на Земле,
Рожденным здесь, в ее стихии,
Прописан подвиг на челе.
Кто неразлучен с ней от роду
И принял меч и мир, как есть,
Им дней войны, и дней свободы
Сияет свет – Спасенья весть! —

задумчиво в ответ прочёл свои старые стихи ничего не понявшему мальчику Изгнанников.

* * *

8 октября в Тулу из Казахстана прибыли эшелоны с частями 238-й стрелковой дивизии, направленные для обороны города. Одновременно из Тулы началась эвакуация наиболее опытных рабочих, инженерно-технических работников и специального оборудования оборонных заводов и других промышленных предприятий.

Успешно на брянско-орловском действовала и советская авиация. 10 октября советские соколы прорвались к аэродрому Орёл-Западный. Сбив воздушное охранение немцев, они расстреляли и уничтожили на аэродроме и взлётной полосе до 80 самолётов противника. Три наиболее опытных немецких аса пытались взлететь. Они уже оторвались от земли, но пулемётные очереди наших лётчиков распоролы кры-

ля, кабины и двигатели их истребителей на высоте 5–6 метров над самой землёй. При падении и ударе о землю те взрывались. Весь аэродром покрылся разбитыми, исковерканными, дымящимися обломками металла, в которые превратились боевые крылатые машины «Люфтваффе». Так и не взлетев, они остались гореть на земле. Вместе с самолётами немцы потеряли и несколько десятков техников, оружейников и лучших лётчиков.

* * *

Когда немцы подходили к Вербнику, сельские мальчишки – братья Миша и Вася Овчаровы – вместе со всей остальной детворой играли на улице. Ни женщины, ни старики, ни дети – никто не прятался. Да и прятаться было бесполезно. Васе тогда шёл лишь седьмой год, и запомнил он те события не очень ясно. Миша был постарше, потому и запомнилась та война ему лучше, чем младшему брату. Ему где-то в первой половине октября должно было исполниться десять лет.

* * *

Этот мальчик не знал дня своего рождения. Мама рассказывала, что родился он в тот злосчастный голодный год, когда власть и колхозное начальство выскребали последнее

зерно и забирали последнюю скотину и птицу у крестьян. Колхозы тогда ещё только-только образовались. Крестьяне с голода съели всё в огородах: картошку, репу, морковь, лук, а концу лета ели уже лебеду и крапиву. Слава богу, приспела яблочная пора, созрели яблоки и груши. Крестьян погнали на сбор антоновских яблок в колхозных садах, голод тогда и отступил. Как раз, когда собирали яблоки, то ли от напряжённой работы, то ли потому, что сроки подошли, младенец из чрева матери и попросился на свет Божий.

– У Полюшки схватки зачались! Яша, сюды! Сюды! – закричала золовка, тоже Поля, зовя брата к жене на помощь.

Яков возил тогда яблоки на телеге из садов в амбар. Быстро сбросил он на землю ящики, подкинул соломы. Легко подхватил на руки тяжёлую жену и бережно погрузил её на телегу. Мигом запрыгнул на передок. Тронул лошадей вожжами и дал им кнута пару раз для скорости. Лошади рванули телегу и понесли по сельской дороге к амбулатории. Но что такое грунтовая сельская дорога да ещё в осеннюю пору! А путь то неблизкий – вёрст эдак семь-восемь. Полюшку, конечно, растрясло уже на полпути. Слыша, что жена кричит и просит остановить лошадей, Яков свернул с дороги в ближний ложок и остановил телегу под ракитой. Накрапывал мелкий дождь.

Яков спрыгнул с передка и увидел, что Поля рожает. Воды уже отошли и промочили исподнее бельё. Он задрал длинные юбки жены, стянул исподнее, снял с её ног лапоточки.

Благо в сене на телеге была спрятана у него бутылка самогону. Человек он был предусмотрительный, запасливый, выпить любил, но не пьянствовал. Быстро вынул пробку зубами. Плеснул из горлышка в ладони, омыл кисти рук. А младенец тем временем пошёл на волю, и показалась его головка. Яков сотворил крестное знамение и с мукой вымолвил:

– Помоги нам, Господи! Тужси, Полюшка, тужси. Нуди себя.

Минут через пять, а может и поболее, младенец полностью вышел из материнских чресл и громко заверещал, лежа между раздвинутых материнских ног на промокших, испачканных юбках. От натуги и сладостно-дикой боли Полюшка забылась и лежала в телеге, закрыв глаза. А Яков, увидев, что Бог послал ему сына, радостно и благодарно взмолился Творцу со слезами на глазах. Всё, что делал он потом, запомнилось ему словно в чудесном, удивительном сне. Он сам перерезал пуповину ножом, омытым в самогоне. Затем выдрал крепкую нитку из холщовой рубахи и дрожавшими пальцами перевязал остаток пуповины младенцу.

Потом уже, запеленав дитё в одну из самых чистых юбок, привёз жену в амбулаторию. Полюшка пробыла под наблюдением врачей в амбулатории всего три дня. Мальчик родился крепкий, быстро взял грудь и уже сосал вовсю. На четвёртый день Яков приехал за Полей и возвратился домой уже с женой и сыночком. Колхозные работы в ту осень не прекращались даже в субботу и в воскресенье. Не было у кре-

стьян времени, чтобы жениться, креститься и даже младенцев регистрировать. Только во второй половине ноября стало полегче и у крестьян появились первые выходные дни. Вот в день св. Архистратига Михаила, на который попал выходной, малыша крестили и нарекли в честь его великого небесного покровителя. В тот же день Яков и зарегистрировал младенца. В метрике записали ему день рождения – 24 (8) ноября, когда пришёл Михайлов день 1931 года.

Про то, что Миша родился в трудный год в телеге и что отец сам принимал его роды, в семье вспоминали редко. Потому и не запомнилась та дата, когда действительно пришёл он в этот мир. Помнила матушка, что родился её первый сынок в ту пору, когда собирали антоновские яблоки. Уж больно тяжёл был тот, не добром помянутый, 1931 год.

Господи, что же напасть такая? На такой обширной, богатой, плодородной и щедрой земле самые главные «сеятели её и хранители» – русские крестьяне и казаки – самые многочисленные, самые работающие, но самые бесправные, самые угнетаемые и тёмные сословия!

* * *

Прошло десять лет. Пришёл 1941-й. И новая напасть – война. В тот день Миша бегал с мальчишками по улицам и горкам своего Вербника. И вдруг по селу словно сильным ветром пронесло и сорвало картузы и шапки с голов у ста-

риков:

– Немцы идут!

Старые и молодые кладут крестное знамение. Лица напряжены. Дети остановились, сбились в кучки у домов и сеновалов, нет ни криков, ни споров, смотрят внимательно, с осторожным любопытством.

Сначала к селу со стороны шоссе подкатили мотоциклисты. Остановились, осмотрелись. У всех на колясках пулемёты МГ-34 в полной боеготовности. Но никто не собирается оказывать пришельцам сопротивления. Стрелять не в кого. Въехали на горочку. Сошли с машин. Разминают затёкшие руки и ноги, закуривают, гогочут. Машут молодым крестьянкам руками, подзывая к себе. Две наиболее смелые подошли к чужим солдатам. Те предлагают сигареты, конфеты. Девушки отказываются. Немчура смеётся. Подъехало несколько грузовых машин, крытых тентами. Германские солдаты свободно выгружаются из кузова, идут в ближайшие дворы. Кто-то бежит по малой нужде за плетень огорода. Многие без спроса заходят в хаты, просят попить воды. Их поят холодным молоком из погреба. Немцы причмокивают, пьют с удовольствием, благодарят.

Прибывают новые машины. Немцев в селе становится всё больше и больше. Вот и немецкий офицер-гауптман по-хозяйски вылез из кабины. Указательным пальцем руки, одетой в перчатку, деловито что-то указывает унтеру. Вероятно, распоряжается, как распределить личный состав на постой

по хатам. На гауптмане камуфлированный полевой китель, на голове офицерское кепи с прямым козырьком и германским орлом, поверх кителя солдатские пехотные ремни. На поясе магазины к автомату, вальтер в кобуре и стальная каска с трехцветным флажком. А за спиной «пресс-штофф» – офицерская сумка из жёлтой кожи. Ниже – широкие удобные галифе. На ногах добротные кованые сапоги. В левой руке его убедительно покоится автомат, пока, правда, опущенный каналом ствола вниз. Но ведь гауптман может в любой момент, как только что-то не понравится ему, поднять оружие и грозно передёрнуть затвор. Словом, деловит и упакован весь. Да и все они – солдаты Вермахта – сытые, холёные, крепкие, все в ремнях, с гранатами, ножами на поясе, винтовки и автоматы в руках. И все готовы к бою.

Вот стадо гусей идёт с реки домой, поднимаясь в горку. Гуси напуганы шумом, гогочут, тянут головы, шипят на незнакомых людей. Немцы хохочут. Унтер смеётся, о чём-то спрашивает гауптмана, показывает на гусей. Офицер улыбается одними губами и одобрительно кивает головой:

– Гут!

Один из мотоциклистов снимает MG с коляски, а заправленная в пулемёт лента тянется за ним. Передёргивает затвор, вскидывает и... сталью клацают боёк и затвор, гильзы выскакивают и рассыпаются по земле, боевой механизм вздрагивает в руках солдата, рокошет:

– Ах-а-ах-хх! Бах-бах-бахх! – пулемётчик, смеясь, весело

бьёт по гусям, недружелюбно встретившим иноземных гостей.

Гуси только: «Га-га-га!». Пух, перья да кровь в разные стороны. Гусиное стадо голов в пятнадцать-двадцать лежит и только трепыхается в конвульсиях.

Миша очень отчётливо запомнил, как клацает затвор, как гогочут, кувыркаются и разбегаются гуси. Гусак даже пытался было взлететь. Но не успел. Расправив и взмахнув крыльями, было рванулся от земли, но тут же ткнулся грудью в траву и затрепетал.

Немцы скопом ржут и что-то кричат. Двое побежали подбирать битых гусей и откручивать им головы. Трое других уже берут и несут дрова из дровницы. Тут же у плетня разводят костёр. Из кузова машины достают два больших полевых котла, сковороды. Появляется повар в белоснежном колпаке. Тут же потрошат, гусей, сдирают перо, кромсают тушки. Бросают в котел, на сковороды, варят, жарят. Кто-то из солдат прямо в хлеву заколол молодого поросёнка. Вытащил на улицу в траву и уже разделяет и свежует его, отирая от крови длинный острый, как бритва, нож о лопухи. Тут же разливают и пьют шнапс, спирт. Закуривают. Дым коромыслом расплзается по селу. И так почти у каждого двора.

Захмелев, немцы расслабляются, распускают ремни, скидывают куртки и нижние рубахи. Винтовки во дворах у хат поставлены в пирамиды. Часовых в селе нет. У околицы стоит один молодой солдат с карабином, и тот уже навеселе. Хо-

тя нет, немцы бдят! С голыми торсами, черпают воду в колодцах, тут же сливают друг другу на головы, на плечи, на руки, моются, фыркают, радуются жизни. А чего не радоваться?! Пока живой, бери всё, что можешь, на завоёванной территории! Благо много есть чего взять. А завтра – в бой. А там неизвестно, чего ждать.

Наварив, нажарив, тащат котлы и сковороды в хаты. Выставляют и выкладывают на столы всё, что есть у них самих, и всё, что есть съестного в русских хатах. Тут и сало, и варёная картошка, и солёные огурцы, и шоколад в обертках, и конфеты, и печенье, и гусятина, и курятина и шнапс, и самогон. Сами садятся и усаживают с собой за стол хозяев. Наливают, пьют, чокаются, что-то кричат на немецком. Обнимают русских крестьянок. Курят, закусывают. В ход идут и вилки, и ложки, и ножи. Тут же за столом, не стесняясь, громко портят воздух, чем вызывают немое удивление и возмущение русских крестьян. Опять наливают и пьют, и так до темноты. Вконец запьянев, укладываются спать в хатах прямо на полу, подстелив шинели, матрасы, крестьянские перины, подушки.

А на улице выпивший и подобревший немецкий унтер-офицер сзывает ребятню, ведёт всех ребят к машине. Достает из кузова большой серебристый пакет. Вытаскивает нож из ножен на ремне и умелым движением рассекает пакет у верхнего шва. Затем хватает его за нижние концы и осыпает ребят конфетами и шоколадками в блестящих обёртках...

Это тоже Миша запомнил хорошо. Шоколад он попробовал тогда впервые.

* * *

Несмотря на отдельные успехи частей Красной армии, пытавшихся восстановить положение на брянско-орловском направлении, Брянский фронт всё же был разгромлен. Силы 3-й, 13-й и 50-й советских армий, попавших в окружение, немцам не удалось взять в плотное кольцо и полностью уничтожить. В труднейших, порой гибельных условиях советские дивизии и полки прорывались из котла. Но в этих прорывах убитыми, ранеными и пропавшими без вести армии потеряли более половины своего личного состава и две трети техники и тяжёлого вооружения. 13 октября был ранен и отправлен в Москву на самолёте командарм А.И. Ерёменко. Вскоре смертельное ранение получил командующий 50-й армией генерал М.П. Петров. С захватом Орла и Брянска противник сформировал огромный плацдарм для наступления на Москву с юга и юго-запада. Перед Вермахтом открылось два направления – шоссе Мценск – Тула – Москва и шоссе Брянск – Москва.

Особенностью операции, проводившейся командующим 2-й танковой группы Гейнцем Гудерианом, было «повышенное внимание к прорыву в глубину и совершенно недопустимое пренебрежение выполнением задачи уничтожения

окружаемых армий». Части Красной армии массово выходили из окружения целыми соединениями при отсутствии деблокирующих ударов. Это позволяло Ставке восстанавливать фронт с затратой меньших сил из резерва и с других участков фронта. Тем самым первоначальный план операции «Тайфун» по охвату Москвы с юга был скорректирован. Наступление немецких войск на этом направлении было задержано на 17 суток, и вместо быстрого разгрома противостоящих советских войск немецкая группировка получила перед своим фронтом отошедшие, сильно поредевшие, но обстрелянные и переформированные части Красной армии, а также спешно готовящиеся оборонительные рубежи в районе города Тулы и Можайской линии обороны. С помощью мирного населения вокруг Тулы были созданы три оборонительных рубежа.

Уже 14 октября после занятия немецкими войсками Калуги 238-я стрелковая дивизия была переброшена в район города Алексина. Она должна была предотвратить прорыв германских войск и их выход на трассу Москва – Тула. После ухода 238-й стрелковой дивизии в Туле остались зенитный артиллерийский⁴ и истребительный авиационный полки ПВО⁵, а также 156-й полк бригады войск НКВД⁶, прикрывающий оборонные заводы.

⁴ 732-й зенитный артиллерийский полк.

⁵ 171-й истребительный авиационный полк ПВО.

⁶ 69-я бригада войск НКВД.

Прозрачный свет струился с побледневших небес и рассеивался в бело-золотом осеннем березовом лесу. Тусклое солнце сквозь полупрозрачную дымку высвечивало на небо-своде. Вселенская осенняя тишина и умиротворение нисходили с высот и водворялись в природе. Эту тишину и покой, опускавшиеся на Россию, будили только далёкие разрывы и гул моторов. Жёлтые листочки плавно и тихо спадали с берёз и устилали землю свежим золотисто-серым ковром. И этот тонкий покров шуршал под ногами десятков и сотен тысяч русских людей, во множестве бредущих лесами на западе Великой Русской равнины. Редкие, но величественные дубы, словно покрытые ржавчиной, всё ещё держали листву на своих литых, корявых и могучих ветвях. Но при взгляде на них людям, потерявшим надежду и скитавшимся в бескрайних лесных просторах, приходило чувство уверенности и спокойствия. Люди убивают друг друга, а в природе ничего не меняется. Дубы стоят, как и стояли, а Творец, как всегда, укрыл осенним золотом и серебром землю... Яркая красно-оранжевая рябина или бардовый боярышник, росшие где-нибудь на краю оврага или на заброшенном и забытом погосте, кормили скитальцев своими винно-горькими и сладковатыми ягодами. Прозрачные родниковые ручейки поили своей водой. И это спасало от гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.